

Роза Отунбаева: » Не до революций! Нам бы сплоченную оппозицию создать»

Роза Отунбаева в особом представлении не нуждается – не ее ли имя было на слуху весь прошлый год в связи с известными событиями?! После того как депутаты парламента не утвердили ее в должности министра иностранных дел, Роза Исаковна на некоторое время ушла в тень, а недавно снова вернулась в большую политику – уже в качестве сопредседателя партии «Асаба». И сразу же объявила, что решила всерьез заняться партийным строительством в Киргизстане. Мы же решили узнать ее мнение о нынешней власти, обстановке в стране и попросили рассказать, как она и ее революционные соратники собираются отметить годовщину событий 24 марта.

«24 МАРТА ПРЕЗИДЕНТ ДОЛЖЕН ОТЧИТАТЬСЯ ПЕРЕД НАРОДОМ»

Наш разговор проходит дома у Розы Исаковны, в той самой квартире, на балконе которой 3 марта прошлого года разорвалось некое взрывное устройство. В связи с этим и возник первый вопрос.

– Роза Исаковна, так чем же закончилось расследование происшествия, которое тогда наделало много шума? Нашли того или тех, кто это сделал?

– Нет, никого не нашли. Как ничем пока не закончились 53 уголовных дела, возбужденных Азимбеком Бекназаровым, когда он был генпрокурором. Еще летом мне звонил Омурбек Суваналиев, тогдашний начальник УВД Бишкека, сказал, что он работает над этим, у него есть несколько версий. Но после того как его сняли с должности, все заглохло, и до сих пор ничего не известно.

– Но вы как-то пытались настоять, чтобы расследование довели до конца? Понятно, что при Акаеве это было невозможно, но после революции сам бог велел разобраться.

– Безусловно. Я была крайне в этом заинтересована, но так ничего и не вышло. Разве кто-нибудь ответил за то, что вывел белокепочников на площадь 24 марта? Разве кто-то понес за это наказание? Они же все сегодня сидят на высоких постах или просто откупились. Что уж говорить о взрыве на моем балконе. Я даже не знаю, закончилось расследование или нет, а у Конгантиевых спрашивать не хочу – понимаю, что бесполезно.

– Так вы теперь в оппозиции или как? Каково ваше нынешнее отношение к власти?

– Азимбек Бекназаров написал открытое письмо президенту Бакиеву, правда, на киргизском языке, где определил нашу диспозицию. Русскоязычная публика, к сожалению, суть этого письма наверняка не знает. Перечислив все моменты срыва наших договоренностей с президентом, от имени 14 лидеров оппозиции, которые в мае прошлого года подписали договор с Бакиевым, Бекназаров предложил ему встретиться до 24 марта и провести переговоры. Только после этого мы сможем определить свой курс. У президента есть еще время, чтобы исправить свою линию и политику. И у нас есть определенные обязательства до 24 марта. Если выясним, что мы совершенно не сходимся в позициях, то каждый будет идти своим путем.

– То есть пока вы еще не определились со своим статусом, так что ли?

– Определились... Хватит бояться слова «оппозиция». Пока в стране не будет легальной дееспособной оппозиции, не будет реальной политической конкуренции и долгосрочной стабильности. Мы уже достаточно четко и ясно изложили свои позиции в двух заявлениях партии «Асаба» – по кадровой политике, по бездействию властей в борьбе с криминалом, по необходимости укреплять курс на целостность страны и единство народа.

– А что конкретно вы собираетесь делать 24 марта? Кто будет выступать с отчетом – вы, оппозиция или президент?

– Перед людьми, конечно же, должен отчитаться президент. Мы ведь до 24 марта дали народу немало обещаний и клятв в Оше, Джалал-Абаде и Бишкеке. Теперь пусть скажет, что сделано за год, что выполнено из тех обещаний, а что нет. А уж в какой форме он это будет делать – решать ему.

– А если он этого не сделает?

– Ну это же не просто так – хочу не хочу. Уверена, власть ломает голову, в какой форме это сделать, народ-то ждет. Все-таки эти люди привели его к власти.

– Как вообще получилось, что кандидатом в президенты от оппозиции стал именно Курманбек Бакиев? Почему так случилось, кто его выбрал?

– Бакиева в качестве своего вождя выбрали политики с юга. Как они сами не раз рассказывали, дело было три года назад. Сидя дома у Бакиевых – тогда еще был жив аксакал юга Абсамат Масалиев, – они решили, что кандидатом будет Курманбек Салиевич. Усен Сыдыков не устает повторять, что ему Абсамат Масалиевич как бы поручил довести этот замысел до конца, что он и сделал, сдержал слово. С тех пор Бакиев, наверное, почувствовав ответственность, начал готовиться, даже книгу написал. И потом, не забывайте, что вся революция зарождалась на юге, именно там энергия народного гнева была наиболее мощной, так что тут особого выбора не было – решать должны были южные политики. Но до последнего момента шли торги... В лидеры должен был выйти тот, кто смог бы спонсировать выборную кампанию оппозиционных лидеров. Бакиев, говорят, обещал выделить 5-6 миллионов долларов. Под это и создавалось Народное движение Киргизстана (НДК). Но известно, что расходы, которые он понес, были далеки от обещанного. Да и Бакиева пришлось буквально сватать в оппозицию, он, рассказывают, боялся ее как огня, в НДК все знают эту историю. Он, собственно, и на наших митингах появлялся как высокий гость. Мы стоим, бунтуем, скандируем, мерзнем, а он придет на 15 минут, скажет свою маловыразительную речь и уйдет... А 24 марта примерно через полчаса после основных выступлений с трибуны на площади Ала-Тоо он опять незаметно исчез. Перед бушующей толпой нас, лидеров оппозиции, оставались буквально единицы. А после столкновений с белокепочниками обозленный народ попер солдат нацгвардии до решеток «Белого дома». Как мне потом доверительно рассказали, его охранники знали, что могут быть беспорядки, и увели его, ведь он, как избранный, должен быть в безопасности. А Азимбеку Бекназарову Бакиев тогда сказал, что

у него поднялось давление и поэтому он как бы «отпросился».

«ЭТА ВЛАСТЬ СТРАШНО ДАЛЕКА ОТ НАРОДА»

– Сейчас все больше политологов – да и политиков тоже – склоняются к мысли, что 24 марта произошел переворот, а не революция. Вы с этим согласны?

– Вот наступит 24 марта, тогда мы и скажем. Очень важно это оценивать с позиции того, как власть будет решать вопросы конституционной реформы. Меняем мы ту политическую систему или нет – вот самый главный вопрос.

– Роза Исаковна, а вы лично не разочаровались в революции? Не зря ее делали? Особых перемен ведь не видно ни в одной сфере, стало только хуже.

– Нет, не зря, я не разочаровалась. Понимаете, за 15 лет столько всего накопилось, общество так подгнило, дошло до дна, а мы хотим прямо сразу быстрых и резких изменений. Мы должны и дальше очищать политику, не уставать бороться, все страны проходили этот тернистый путь к достатку и стабильности, легкой истории не бывает. Цели, ради которых мы делали революцию, сейчас, к сожалению, затуманены, отодвинуты на второй план.

– Может быть, подведете первые итоги – что получилось и что нет?

– Да, изменений мало, они мизерные, но есть. Я понимаю, как трудно приходится власти, но многие проблемы, с которыми мы сегодня сталкиваемся, – от ее бездействия, безволия, слабого профессионализма. То, что Бакиев обещал на площади, мы не видим. По самым острым, сложным событиям в республике нет ясной позиции «Белого дома», доходят там долго. Внятной, четкой линии, политики ни в одной области жизни не представлено. Я объездила юг республики, была на Алае, в Кара-Кульдже, ничего не изменилось в жизни людей за год. Сейчас начнется массовый отток людей на работу в Россию.

Одно из самых сильных разочарований нынешней властью – ее кадровая политика. Она показывает, что президент оказался человеком старой формации, он плоть от плоти акаевской

системы, поэтому и тасует ту колоду кадров, других не знает. Отдел кадров у него – Усен Сыдыков. Складывается впечатление, что он заснул летаргическим сном еще в 1990 году, проснулся в 2005-м, и сидит такой член бюро ЦК в том же кабинете, грозит, указывает, не поймет, почему его не слушают. Однако роль Сыдыкова чересчур преувеличивают – на самом деле президент многое решает сам с другими советниками, я видела, как он часто отодвигал в сторону Усена Сыдыкова, а тот потом сидел злой и угрюмый. Наша партия стоит за полную смену элит, в руководстве особенно. На последнем курултае его делегаты составили список из 44 человек, которых народ не хочет видеть у власти, так Бакиев, как нарочно, работает по этому списку только наоборот: берет и назначает людей именно из него.

Эта власть так же далека от народа, как и прежняя. Когда мы прошлой осенью собирались в Нью-Йорк на генассамблею ООН, я предложила президенту лететь обычным рейсовым самолетом. Все-таки мы были новая власть, от народа, и лететь должны были как простые люди. Не могла поверить, но решено было лететь чартерным рейсом, а это очень немалые деньги для страны. Неудобно слушать провинциальные пояснения Мадумарова, ссылающегося на «необходимость» протокола, почему он летит тоже чартером. В каждой демократической стране налогоплательщики добиваются, чтобы все начальство летало как рядовые граждане. В Великобритании народ так третирует королеву и ее семью, что они уже готовы пешком ходить.

– А вы согласны с мнением Аскара Акаева, который в интервью российскому журналу сказал, что «сейчас в Киргизии у власти криминальные авторитеты и «воры в законе»?

– Так было и при Акаеве, он нам не указ! Криминалитет, как известно, в силе, поскольку крышется властью. Ведь идет передел собственности. Накопление, дележ и перехват капитала происходят при помощи силы, рейдеров, как их называют. Криминалитет на этом наживается, лезет в политику, пытается легализоваться или «цивилизоваться» через власть. Наша нынешняя система выборов – для криминала бесприкрытая. И чем скорее мы ее поменяем, тем быстрее спасем общество от нравственных мук, тревоги за будущее.

– Сейчас все с тревогой ожидают 24 марта, опасаясь повторной революции. А в качестве одной из движущих сил, кстати, называют почему-то вас.

– На нас грешить не надо. Я собираюсь в эти дни поехать в Украину на парламентские выборы. Никакую революцию мы не готовим. Мы выстраиваем партию и готовимся к выборам 2010 года, когда будет партийный лист, когда оппозиция приведет к власти молодую плеяду кадров, ничего общего не имеющих с нынешним разношерстным кабинетом. От новых взятий бастилий советую всем строго отказаться. Дубль Бакиев-Айтбаев не сродни дуплету Акаев-Иманкулов. Власть вооружена сейчас еще лучше, «стрелять они сами тоже умеют» плюс у них в запасе опыт советского авторитаризма, всей машины подавления и преследования.

– Ну хорошо, а революцию 24 марта вы готовили?

– Конечно, но только не переворот. Мы хотели прийти на площадь в Бишкеке и стоять там, как это было в Оше и Джалал-Абаде, выйти на диалог с властью, разрешить кризис в стране. То есть мы даже не думали и не говорили о революции. Перед нами всегда стояли конкретные задачи: вначале протестовали против бесчестных выборов, потом перешли к дисквалификации власти. А когда власть применила силовые методы, полностью лишили ее контроля над югом.

– Как вы вообще себе все представляли? Перед глазами же наверняка были цивилизованные грузинский и украинский сценарии. Насколько ваши представления разошлись с реальностью?

– Я работала в Грузии, когда там свершилась «розовая» революция ноября 2003 г. Грузинские депутаты приехали к нам, попали на курултай в Оше, после 24 марта еще раз приехали. Да, перед глазами у нас была и Украина, но мы не могли сделать, как у них, потому что у нас не было времени и мы даже не знали, как они выстроили свой майдан. У нас была задача жесткого диалога с властью. Я уверена, если бы Акаев сел за стол переговоров с оппозицией, все, возможно, было бы по-другому. Возможно, мы бы договорились о досрочном сложении полномочий, может быть, распустили бы парламент. У нас тогда

была ориентация на то, чтобы привезти людей с юга, да они и сами подтягивались из чуйских районов, Таласа, Нарына. Президент Акаев должен был разговаривать с нами, ведь за нашими спинами стоял народ. Тогда бы не было этого побоища. Вот сейчас телохранители Акаева утверждают, что его предали министры-силовики, которые заверили его, что обстановка находится под контролем. Я все больше убеждаюсь в том, что Акаев и его окружение сильно оторвались от народа за 15 лет. Ни он, ни его министры не знали, чем живет народ. И в Оше, и в Бишкеке я поняла, что бездарен тот главнокомандующий, кто не знает душу солдата, на чьей он будет стороне – сын бедного бесправного сельчанина. Акаев доверился людям, не знающим народа, не говорящим на его языке. Солдаты такую власть защищать не станут.

– Сейчас, спустя год после событий 24 марта, может, откроете секрет – кем финансировалась та революция? И была ли поддержка со стороны Запада?

– Устали твердить, что от Запада помощи мы не получали, хотя в Грузии и Украине ее было достаточно. Мы обходились внутренней поддержкой: антиакаевцев было хоть отбавляй. Когда, например, нам нужно было выкупить тираж газет или листовок, нам помогали многие бизнесмены. Баяман Эркинбаев тоже помог, но не в такой степени, как об этом распускают слухи. Он по-настоящему подключился после очистительной операции в Оше и Джалал-Абаде 20 марта. Я сама вложила на разных этапах около 20 тысяч долларов личных денег. Ошский курултай 19 марта мы подняли сами, движение «Атажурт». Десять дней у памятника Ленину днем и ночью стоял народ. Анвар Артыков продал свой бизнес, чтобы кормить своих избирателей. Дуйшену Чотонову помогали состоятельные каракульджинцы, которые имели бизнес в Оше. Одним словом, мы все вложили деньги в революцию, и деньги немалые. Но главное – рисковали жизнью.

«У НАС НЕТ СЕРЬЕЗНОЙ ОППОЗИЦИИ»

– Грузины и украинцы во время своих революций выдвигали лозунги сближения с Европой. Не кажется ли вам, что в

результате революции мы ушли еще больше в Азию, точнее говоря, в азиатчину?

– Дело не в том, отбросило ли нас куда-то или нет. Киргизстан – бедная развивающаяся страна. Трагедия 24 марта случилась потому, что разница между богатыми и бедными была и остается колоссальной. Вот и сегодня известно, что те, кто купили голоса на выборах, даже не утруждают себя ходить в парламент, ежемесячно получают от 30 до 70 тысяч долларов дохода. А минимальная месячная зарплата в Киргизстане остается той же – 100 сомов. Разве сопоставимы такие вещи?! Рано смеются над нами: то, что случилось у нас, уже происходило в Латинской Америке, Индонезии, Таиланде, на Филиппинах, и может произойти где угодно. Конечно, мы могли бы сделать так красиво, как в Украине, но у нас не было – и сейчас нет – серьезной, сплоченной оппозиции. Мы тогда просто сумели создать предвыборный блок из кучки политиков. А вот сейчас пришла пора: мы как раз-таки и занимаемся партийным строительством, которое у нас в поре детской нежности. У нас старый, слабый закон о партиях. Достаточно собрать десять человек, и вот вам готовая партия. А в Казахстане, чтобы партия прошла регистрацию, нужно 50 тысяч членов. Такая, конечно, может думать о власти, о воспитании кадров. Партии будут не выказывать сердобольность, а вырабатывать и предлагать социально ориентированные программы, расширять свой электорат, фокусироваться в своих действиях на снижение бедности.

– Роза Исаковна, а вам не обидно, что вы были в первых рядах революционеров, а сейчас оказались не у дел? Вам ведь даже никакую должность не предложили.

– Мне разные всякие должности предлагали, а лучше всего, я поняла, очень хотели, чтобы выбирала любое посольство, и с глаз долой, подальше. Да и тогда, после революции, мне очень хотелось попробовать работать на телевидении, много у меня идей-задумок, а на КТР – каменный век.

Но в ночь на 25 марта все взялись за то, что умели и знали. Надо было выходить из ступора, легализовать власть. Ведь этих людей мало кто знал в мире, президент сбежал, Бишкек в погромах и пожаре... Меня срочно вызвали на CNN охарактеризовать

ситуацию, сказать, кто взял власть в руки. Потом сразу позвонили Сергей Лавров, Кондолиза Райс, Хавьер Солана, британцы, китайцы... Всех я знала по работе раньше. Я была востребована жизнью, взялась за то, что было крайне важно для страны в тот момент. Я живу в ладу со своей совестью, хожу с поднятой головой.

— Говорят, президент просто представил парламенту вашу кандидатуру на пост министра и не было никакого лоббирования, обычного в таком случае.

— Скорее, было лоббирование против меня со стороны «Белого дома». И президента, и Усена Сыдыкова я доставала своим несогласием по кадровым вопросам. Кадровая политика отныне строилась по принципу: мы пришли, наш черед заменить всех своими, порадовать родному человечку. Или другой принцип: возьмите такого-то, он все ваши дела разведет, не подведет. Я никак не могла понять, о каких делах идет речь? Усен Сыдыков настаивал назначить послом в Китай своего зятя. «С какой стати? — возмутилась я. — Он говорит на китайском или хотя бы английском? Или работал дипломатом?» «Успешный бизнесмен, работник фонда Агахана, — отвечал он. — И вообще, — отрезал он, — мы были 13 лет в оппозиции». Весь разнос из-за этого и пошел. Я настойчиво и упорно стояла на позиции обличения доверенных людей президента, вероломно разломавших законный тендер по изготовлению новых паспортов, приведших в корыстных целях корейские компании. Но контракт с ними в прошлом декабре все равно лопнул. Новая власть «отломила» от этого контракта, стоящего народу по сей день больших мук и трудностей!

— И кто же, вы думаете, голосовал против вас в парламенте?

— Прежде всего алгинцы — открыто консолидированный проакаевский круг, целая фракция в парламенте. Депутаты-узбеки в обиде или в отместку за решение судьбы андижанских беженцев — мы ведь переправили их на Запад. И до двадцати депутатов, которые подконтрольны и отчитываются своим «ака» в «Белом доме» за свои решения. Я никогда не жалею о том голосовании. Люди знают кто есть кто. А президент и сегодня опирается на наш авторитет и репутацию, без нас он вряд ли сидел бы там, где сидит сейчас. Поэтому мы — лидеры революции — будем

строить оппозиционные партии, чтобы помогать нынешней власти работать в правовом поле до 2010 года и довести все задачи революции до конца.

Вопросы задавал

Виталий ПОЖАРСКИЙ

Дело№